

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА

ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

Материалы международной
научно-методической конференции

Астана, 2018

**ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ**

**Материалы международной научно-методической
конференции**

Астана, 2018

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
Т11

Ответственный редактор: Е.А. Журавлева

Редакционная коллегия:

Ш.К. Жаркынбекова, М.Б. Нуртазина, А.Е. Агманова,
А.К. Ешекенева (тех. ред.), Э.Э. Яворская (тех. ред.)

Т11 Текст в системе обучения русскому языку и литературе: материалы международной научной конференции / Отв. ред. Е.А. Журавлёва. – Астана: Изд-во ИП «Дана», 2018. – 300 с.

ISBN 978-9965-610-18-9

Сборник содержит статьи участников VI Международной научно-методической конференции «Текст в системе обучения русскому языку и литературе». Выступления участников конференции посвящены тексту как объекту лингвистического исследования, особенностям его функционирования в поликультурном пространстве, проблемам интертекстуальности и интермедиальности, культуры речи, интерпретации и перевода текста, внедрению новых информационных технологий в преподавании языка.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-9965-610-18-9

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИАЛОГА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Нуртазина М.Б.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Астана, Казахстан

maral0204@mail.ru

В статье в систематизированном виде представлен широкий круг вопросов и проблем, возникающих в процессе рассмотрения коммуникативно-дискурсивных сигналов адресованности в письмах М. Цветаевой. Теоретические положения проиллюстрированы примерами эпистолярного диалога. Новизна исследования заключается, во-первых, в выборе материала для анализа, а во-вторых, в уточнении природы и статуса жанра эпистолярия, который в рамках нашей концепции рассматривается как динамическая, самодостаточная, способная к инициации текстопорождающей деятельности сущность. Обосновывается необходимость показа того, что адресат не только неотъемлемый компонент текста, но и источник порождения его семантического потенциала.

Ключевые слова: эпистолярий, интертекстуальные связи, сигналы адресованности текста, психологический контекст, дискурсивная реальность.

The article presents in a systematic view the wide range of issues and problems that arise in the process of considering communicative-discursive signals of addressing in M. Tsvetaeva's letters. The theoretical positions are illustrated by examples of an epistolary dialogue. The novelty of the research consists, first, in the choice of material for analysis, and secondly, in clarifying the nature and status of the epistolary genre, which, within the framework of our conception, is regarded as a dynamic self-sufficient entity capable of initiating text-generating activities. The necessity of showing that the addressee is not only an integral component of the text but also a source of generation of its semantic potential is substantiated.

Key words: epistolary, intertextual relations, text addressing signals, psychological context, discursive reality.

1 Введение. Постановка проблемы

Доминирующий в современной лингвистике коммуникативно-прагматический принцип антропоцентрического исследования текста и, соответственно, интертекстуальных связей в письмах обуславливает все возрастающий интерес к анализу категории адресованности [1: 123-127]. Адресат не только неотъемлемый компонент текста, но и источник порождения его семантического потенциала. При таком понимании категории адресованности можно предположить, что

письма Марины Цветаевой обладают некими «смыслопорождающими возможностями».

Концептуальная оценка эпистолярного диалога в письмах М. Цветаевой, в котором автор демонстрирует свою технику использования языка и одновременно выступает в роли собственно психоаналитика, воссоздающего свой психологический портрет, может быть дана в аспекте закодированных значений и глубинно-синтаксических преобразований, используемых в единицах разных уровней языковой системы. Именно они представляют диагностическую ценность для изучения почерка интроверсии. Прежде всего, словесное обозначение элементов ситуации цветаевского эпистолярия соотносит содержание текста с затекстовой (дискурсной) реальностью. Как показывают наши наблюдения, стилистико-коннотативный план и план отражения эмоциональной и логической интерпретации действительности создают «картину мира» текстов.

Индивидуальный стиль М. Цветаевой придает уникальность вербализуемой «картине мира», т.к. синтагматическая разверстка содержания эпистолярного диалога, заключающего в себе избыточную информацию (в оппозиции «экстрроверсия / интроверсия последняя заряжена дополнительной энергией, которая позволяет обнаружить зоны прикосновения собственно психологии личности и языкового самовыражения человека как носителя языка), сопровождается особым отбором лексических единиц. Цветаевские письма полностью могут быть приравнены к прозе, ибо к текстам своих писем Цветаева относилась как к литературным произведениям.

2 Цель и задачи исследования

Цель исследования: рассмотреть вопросы, которые иллюстрируют коммуникативно-дискурсивные сигналы адресованности писем М. Цветаевой. Основные задачи статьи: 1) уточнить природу и статус жанра индивидуального эпистолярия; 2) обосновать необходимость выявления авторской позиции относительно понятия адресованности (психологические и личностные черты возможных читателей; 3) выявить особенности интертекстуальных связей в письмах (цитаты, «псевдоцитаты», аллюзии, реминисценции, эпиграфы, сюжетный параллелизм, мифологизация).

3 Результаты исследования писем М. Цветаевой

Глубина интерпретации эпистолярного диалога писем М. Цветаевой зависит и от опыта языковой личности предполагаемого читателя, т.е. адресованности, под которой понимается материализованная в

ткань текста программа его интерпретации, стратегия объективации образа читателя – фиктивного или идеального [1: 129]. Для осуществления успешной коммуникации эти параметры должны включать как социально-типологические, так и психолого-личностные черты возможных читателей (в том числе основные базисные концепты той или иной культуры – определенные комбинации звуков, лексических единиц, передающих «алфавит человеческих чувствований», синтаксических структур, единицы вторичной номинации, реалии определенной эпохи), что в целом и предопределяет глубину интерпретации. В процессе порождения текста письма автор прогнозирует читательское восприятие, поскольку для успешной эпистолярной коммуникации необходимо учитывать интеллектуальные, социальные, психологические возможности предполагаемого читателя.

Это обстоятельство предопределяет выбор как содержания, так и отбор средств вербального представления текста. Социальная ориентированность текста заставляет автора по-своему решать проблему отбора и комбинирования языковых средств.

3.1 Коммуникативно-прагматический аспект рассмотрения писем Марины Цветаевой

В этом плане интересным представляется коммуникативно-прагматический аспект употребления М. Цветаевой многочисленных иноязычных включений в письма, что отражает ее эстетико-философскую концепцию, образование, биографию. Априори отметим, что поэт использует их, рассчитывая на адекватное декодирование текста со стороны адресата (читателей), тем самым демонстрируя глубину творческой личности писателя. Часто она использует иноязычные включения для привлечения внимания читателя к сообщению, скрытому в этом включении, и определенным образом направить ход его умозаключений. Например: *«А теперь, Пастернак, просьба: не уезжайте в Россию, не повидавшись со мной. Россия для меня – un grand reutetre («Великая неопределенность, загадка, нечто», фр.), почти тот-свет. Уезжай Вы в Гваделупу, к змеям, к прокаженным, я бы не окликнула. Но: в Россию – окликаю. – Итак, Пастернак, предупредите, я приеду. Внешне – по делам, честно – к Вам: по Вашей душе: проститься»* (письмо Б.А.Пастернаку от 10 февраля 1923 года). Они создают насыщенный эмоциональный фон, передают национальный колорит и перед читателем возникает живая иллюстрация к прочитанному. Такое средство выражения в тексте авторской модальности демонстрирует глубину творческой личности писателя.

3.2 Затекстовый комментарий

Часто сама Цветаева дает так называемый затекстовый комментарий. *«Я сказала: camarades de danger (товарищи по опасности). И все же – нет. Родина, в иные часы, настолько опаснее чужбины, насколько опаснее возможного несчастного случая – верная смерть. Смерти бежа, – прибежали многие беженцы. Camarades de danger, но не физического. Страх оскорбления, а не смерти, нам всем головы втягивает, и вызов невидимому оскорбителю иным из нас головы заносит. Оскорбления, на которое в иностранном словаре – нет слов. Camarades d'orgueil blessé (товарищи по оскорбленной гордости)»* (М.Цветаева. Автобиографическая проза. Китаец). Можно привести еще пример: *«Для меня Rostand – часть души, очень большая часть. С Heine у него общая любовь к Римскому королю, к Melessinde, триполитской принцессе; Lamartine не мог бы не любить этого «amant du Reve» («Возлюбленного Мечты», фр.), Лермонтов, написавший «Мцыри», сразу увидел бы в авторе I' «Aiglon» («Орленка», фр.) родного брата; Victor Hugo гордился бы таким учеником... Почему же Брюсов, любящий Heine, Лермонтова, ценящий Victor Hugo, так безразличен к Rostand?»* (письмо В.Я. Брюсову от 15 марта 1910 года).

Вот почему слово М Цветаевой – всегда свежее, прямое, предметное, конкретное. Это слово – жест, передающее некое действие, своего рода речевой эквивалент душевного и физического жеста. Психологический контекст существования такого слова – это семантические ассоциации и культурные контексты, являющиеся частью прагматики языкового знака, т.е. коннотации. Коннотации – это своеобразная «лексическая модальность», периферийная часть лексического значения, содержащая информацию о личности говорящего, о его эмоциональном состоянии, ситуации общения, характере отношения к собеседнику и предмету речи. Например: *«Я не меньше его (Рильке) (в будущем), но – я моложе его. На много жизней. Глубина наклона – мерило высоты. Он – глубоко наклоняется ко мне – может быть глубже, чем... (неважно!) – что я почувствовала? ЕГО РОСТ. Я его и раньше знала, теперь знаю его на себе. Я ему писала: я не буду себя уменьшать, это Вас не сделает выше (меня не сделает ниже!), это Вас сделает только еще одиноче, ибо на острове, где мы родились – все – как мы.*

*«Durch alle Welten, durch alle Gegenden an allen Wegenden
Das ewige Paar der sich – Nie – Begegnenden».*

*(«Через все миры, через все края – по концам всех дорог
Вечные двое, которые – никогда – не могут встретиться»,
нем.).*

*Само пришло, двуступишем, как приходит все. Итог какого-то
вздоха, к которому никогда не прирастет предпосылка»* (письмо Б.А.
Пастернак от 23 мая 1926 года). Она связана с социально-
политическими, морально-этическими, этнографическими, несет
информацию о ситуации и участниках речевого общения, в том числе
о выражаемом словом эмоциональном отношении говорящего к
обозначаемому.

3.3 Субъектно-объектные оценочные отношения

Часто используется в письмах М. Цветаевой оценочное отношение субъекта к объекту. Оно выражает отношение говорящего ко всему, что представляется как объективное. Например: *«Милый, милый Василий Васильевич, Сейчас во всем моем существе какое-то ликование, я сделалась доброй, всем говорю приятное, хочется не ходить, а бегать, не бегать, а лететь, – и все из-за Вашего письма к Асе – чудного, настоящего – «как надо!». Я смело скажу, что Вы – гениальны. Вы все понимаете и все поймете, и так радостно Вам это говорить, идти к Вам навстречу, быть щедрой, ничего не объяснять, не скрывать, не бояться». Ах, как я Вас люблю и как дрожу от восторга, думая о нашей первой встрече в жизни – может быть неловкой, может быть нелепой, но настоящей. Какое счастье, что Вы не родились 20-тью годами раньше, а я – не 20-тью позже!»* (письмо В.В.Розанову, от 7 марта, 1914 г.).

Такого рода отношение объективирует связь между ценностной ориентацией говорящего / слушающего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т.п.) в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положением дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки. Одной из основных особенностей оценочной модальности является «ее неприязненное отношение к категоричным, безапелляционным оценкам» [2: 108].

Для ослабления категоричности оценочных предложений в языке писем М. Цветаевой используются специальные средства – деинтенсификаторы. В зависимости от интенции говорящего, выбирающего тот или иной способ характеристики передаваемого им сообщения, предлагаются ослабители разных групп: умеренные, интенсивные и

предельные. Как субъект, порождающий эпистолярный текст, она дает деинтенсифицированную характеристику предмета мысли, поскольку доверяет способности адресата адекватно интерпретировать сдержанность оценок. Деинтенсификация является средством снижения эмоциональности, экспрессивности речи. Например: *«Никогда не слушайте суждений обо мне людей (друзей!), я многих задела (любила и разлюбила, нянчила и выронила) – для людей расхождение ведь вопрос самолюбия, которое, кстати, по-мужски и по-божески – щажу. – Не слушайте. – Скажу хуже, пуще – но верней!»* (письмо Б.Л. Пастернаку от 10 февраля 1923 года). *«Вы человек, который исполнил все мои просьбы и превзошли все мои (молчаливые) требования преданности и памяти. Так, как ВЫ, меня – никто не любил. Помню все и за все бесконечно и навечно благодарна»* (письмо А.А.Тесковой от 7 июня 1939 года).

3.4 Проявление межличностных отношений в письмах М. Цветаевой

Кроме чисто информативной, в коммуникации М Цветаевой присутствует и межличностная составляющая. Для ее писем является неотъемлемым моментом реализация моральных, эстетических и этических норм, принятых в данном языковом сообществе. Максима согласия и симпатии [3: 278] проявляется в такой характерной особенности оценочного диалога, как апелляция к адресату с тем, чтобы создать общий эмоциональный фон, подчеркнув важность мнения собеседника для адресата. Следующий пример представляет собой такой оценочный диалог: *«Будет из Вас или нет – поэт? О стихах скажу: в Вас пока нет рабочей жилы, Вы неряшливы, довольствуетесь первым попавшимся, Вам просто – лень. Но – у Вас есть отдельные строки, которые ДАЮТСЯ (т.е. не даются никаким трудом). Для того, чтобы стать поэтом, Вам нужны две вещи: ВОЛЯ и ОПЫТ. Вам еще не из чего писать»* (письмо Н.П. Гронскому от августа 1928 года).

Г.Г. Почепцов, анализируя высказывания, содержащие оценочную нейтрализацию, отмечает, что порядок разрешенной / запрещенной нейтрализации вполне адекватно регулируется общим этикетным принципом, формулируемым следующим образом: речевой облик коммуникантов должен быть сугубо положительным. Однако там, где говорящий немного «обгоняет» собеседника, ему лучше сократить этот «отрыв». В общении имеет место постоянная нейтрализация. Хорошее в говорящем нейтрализуется, чтобы не «обижать» собесед-

ника. Плохое в адресате нейтрализуется, чтобы поддержать его [4: 98-101].

Эпистолярный Марины Цветаевой является отражением её «языковой личности», понимаемой нами как некую совокупность способностей и возможностей поэтессы, обуславливающих идиостиль создаваемых ею эпистолярных текстов. Мы исходим из того, «языковая личность» предполагает синтез языковедческого и психологического знания. Когда мы говорим о доминанте языковой личности М. Цветаевой, мы имеем в виду, прежде всего, интровертированный психологический тип. Все тексты, созданные ею, заряжены дополнительной энергией, которая позволяет обнаружить зоны прикосновения собственно психологии личности и языкового самовыражения человека как носителя языка.

3.5 Особенности текстовых построений писем М. Цветаевой

Все виды текстовых построений М. Цветаевой – образцы автопсихологической прозы, в которой автор демонстрирует свою технику использования языка и одновременно выступает в роли собственного психоаналитика, воссоздающего свой психологический портрет. Трудности своего стиля Цветаева осознает сама: *«А что есть чтение – как не разгадывание, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками, пределом слов...чтение прежде всего – сотворчество...»* [5: 521].

Она протестует против инерции стереотипного восприятия семантики слова. Вот почему в текстах своих писем она часто использует цепочку лексем, предлагает адресату обогащенное обертонами толкование слова: («прости меня бог – ибо это грех» и др.). Например: *«Чтобы вещь продлилась, надо, чтобы она стала песней. Песня включает в себя и ей одной присущий, собственный – музыкальный аккомпанемент, а посему – завершена и совершенна и – никому ничем не обязана. (Почему я рифмую! Слово мы рифмуем – «почему»! Спросите народ – почему он рифмует; ребенка – почему рифмует он; и обоих – что такое «рифмовать»!)* (письмо В.В. Маяковскому от 3 декабря 1928 года). И еще: *«Ах, как бы мне хотелось послать тебе, дорогой, книги! Без отклика трудно писать. Другой постепенно переходит в область сновидения (единственной достоверности!) – изымается из употребления! – становится недостижимостью. – Тебе ясно? – Это не забвение, это общение над, вне... И писать уже невозможно; «Но ты, не зная, окликнул, и я радостно откликаюсь. Здесь (и уже давно в Берлине) были слухи, что*

Вы и правда в Москве. Почему не выбрались? (Праздный вопрос, то же, что «почему не сдвинули горы?») (письма М.А. Волошину, 10 мая 1923 г).

Автор рассчитывает на общие со своими адресатами пресуппозиции, знания ими ситуации, позволяющие им правильно идентифицировать текст. Большой интерес представляет проблема расслоения «я». В этом слове одновременно проступают «я» – подлежащее предложения (локация во времени и пространстве) «я» – субъект речи (отношение к акту говорения), внутреннее «я» (которое контролирует самого субъекта, знает его цели и намерения лгать или говорить правду). Проблема осознания собственного «я» – это внутренний монолог, который осложнен потенциальной диалогичностью. Внутренняя речь способствует интеллектуальному, эмоциональному, психологическому самовыявлению личности. Вот почему многие тексты писем Цветаевой носят характер мнемонического текста, написанного на основе когнитивной деятельности воспоминания. Возьмем, к примеру, ее «Ответ на анкету», «Автобиографическая проза», «Очерки и воспоминания о современниках» [5: 6, 10-22, 29-120].

3.6 Автобиографическая память

Принято считать, что, автобиографическая память состоит из нескольких блоков, структур, уровней, так сказать, из нескольких «памятей». В систему автобиографической памяти входит все многомирие личности, составляющей «я», все ее прошлое и настоящее. Это – и система внешних черт «я», и информация обо всех видах ее деятельности как социальной, так и интимной, и обо всех видах ее отношений, а также о ее внутреннем духовном настрое, характере его эмоциональности. По мнению Н. Берберовой: «Оркестровая партитура памяти делает все бывшее живым и существующим, и настоящее – яркое и волшебное, жалкое и великое – делается частью всей картины. И все это не горизонтально или вертикально возникает в памяти, не разматывается катушкой, не рассыпается колодкой карт, а одновременно слоями стоит в ней, не как музыкальный текст для отдельного голоса, а, скорее, как оркестровая партитура дирижерского экземпляра симфонической пьесы» [6: 524-525]. Например, письмо М. Цветаевой к В.В. Розанову от 8 апреля, 1914 года достаточно прагматически насыщено: *«Много было горя! Мама и папа были люди совершенно непохожие. У каждого своя рана в сердце. У мамы – музыка, стихи, тоска, у папы – наука. Жизни шли рядом, не сливаясь. Но они очень любили друг друга. Весь дух воспитания мамы –*

германский. Упоение музыкой, громадный талант (такой игры на рояле и на гитаре я уже не услышу!), способность к языкам, блестящая память, великодушный слог, стихи на русском и немецком языках, занятия живописью. Гордость, часто принимаемая за сухость, стыдливость, сдержанность, неласковость (внешняя), безумие в музыке, тоска».

Приведенный фрагмент письма – своего рода восстановление памяти, передача личностных и социально значимых событий. Здесь автор как бы объединяет в себе три функции: автора, рассказчика и протагониста. Создавая картину целостности собственной жизни, М. Цветаева включает как ассимилятивный, так и аккомодативный аспект памяти, как линейное, так и циклическое время, которое в совокупности отражают разнообразные статусно-социальные роли личностей.

Мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах, «критика самонаблюдения» [7: 281, 284] – так выглядит процесс извлечения и обдумывания информации, который находится в состоянии постоянной ментальной обработки воспоминания. Автор контролирует процесс декодирования созданного им слова. Так, наиболее важные с точки зрения автора моменты сообщения, на которых читателю необходимо при интерпретации сделать акцент, он выделяет...«сложный спектр дополнительной информации» [7: 284].

Как справедливо отметил В.В. Виноградов, «в художественном произведении могут и даже должны отражаться следы исторического своеобразия жизни автора, своеобразия его биографии, стиль его поведения, его миропонимания» [8: 156]. Такой интимный жанр, как письмо, «проникнут глубоким доверием к адресату, к его сочувствию – к чуткости и благожелательности его ответного понимания. Интимные жанры и стили основаны на максимальной близости говорящего и адресата» [7: 276-278]. В других письмах она не только вербализует воспоминания в своих письмах, но и связывает их в определенную символично-семантическую цепочку на межтекстовом уровне.

3.7 Интенциональная система диалога с виртуальным читателем

М. Цветаева нередко включает воображаемого читателя в интенциональную систему своей коммуникации. Она ставит читателю вопросы, доказывает ему что-то, предлагает оценить выбор материала, ставит его в известность об умолчании и недоговоренности. Так,

приведем некоторые иллюстрации: *«Мне для дружбы, или, что то же, – службы – нужен здоровый корень. Дружба и снисхождение, только жаление – унижение. Я не бог, чтобы снисходить. Мне самой нужен высший или, по крайней мере, равный. О каком равенстве говорю? Есть только одно – равенство усилия. Мне совершенно все равно, сколько Вы можете поднять, мне важно – сколько Вы можете напрячь. Усилие и есть хотение. И если в Вас хотения нет, нам нечего с Вами делать. Я всю жизнь нянчилась с немощными, с нехотящими мочь, и если меня от этого не ubyло, то только потому, что меня, должно быть, вообще убить не может; если меня от этого не ubyло, тем от меня – не прибыло. С мертвым грузом нехотения мен делать нечего, ибо это единственный, которого мне не поднять» ...Когда человек говорит: я мертв, что же: попробуем воскресить! (И воскрешала!). Но когда человек говорит: я мертв и НЕ хочу воскреснуть, – милый друг, что же мне делать с трупом??? Мертвое тело с живой душой – одно, а вот живое тело с мертвой душой...Я могу на себя взять судьбу – всю. Но не могу и не хочу брать на себя случайности (тей). Лень и прихоть – самые меня отвращающие вещи, слабость – третья... (письмо А.С Штейгеру от 1 сентября 1936 года); «Любить – видеть человека таким, каким его задумал Бог и не осуществили родители. Не любить – видеть человека таким, каким его осуществили родители. Разлюбить – видеть вместо его: стол, стул» (из дневниковых записей «О любви»).*

4 Заключение

Итак, можно утверждать, что эпистолярный Цветаевой – это самый сложный коллаж образов и значений, ассоциаций и цитат, переплетение реального и вымышленного, синхронии и диахронии, поэзии и прозы, семиосфера в миниатюре. Цитаты, «псевдоцитаты», аллюзии, реминисценции, эпиграфы, сюжетный параллелизм, мифологизация – эти и другие интертекстуальные художественные средства создают особую полифонию.

На формальном уровне – начиная с графики (постоянная смена шрифта, соответствующая смене жанра и стиля или служащая выделению главного и кончая характером и распределением композиционных текстовых единиц (обилие и отрывочность диалогов – вставных новелл, дневниковых записей, выдержек из критических статей, стихотворений) уже прослеживается ее характер.

Именно идиостиль М. Цветаевой придает уникальность вербализуемой в письмах «картине мира». Ее письма – это диалог не только с

автором-адресатом, но и со всей современной и предшествующей культурой. Вот почему можно сказать, что формула всей ее писательской и человеческой судьбы – это собственные юношеские строки –

*Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!)
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.*

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – Изд.2-е. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – Изд.3-е. – М.: Гнозис, 2015. – 227 с.
2. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып.16: Лингвистическая прагматика. – С.276-302.
3. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. – Киев: Вища школа, 1986. – 116 с.
4. Цветаева М.И. Собрание сочинений в семи томах. Том 6: Письма / Сост., подгот. текста, коммент. А. Саакянц. – М.: Эллис Лак, 1995. – 799 с.
5. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография / Вст.ст. Е.В. Витковского. – М.: Согласие, 1999.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 2009. – 423 с.
7. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. – М.: Наука, 2001. – 312 с.

«СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ» Л.Н. ТОЛСТОГО КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК³

Романов Д.А.

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого*

г. Тула, Россия

kafrus@rambler.ru

В статье рассматриваются семантические и стилистические преобразования русской лексики, осуществленные Л.Н. Толстым при создании его ранних публицистических произведений (так называемых «Севастопольских мате-

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00008.